

Почему цветных жителей Филадельфии не пускают в трамваи

Бенджамин П. Хант

WHY COLORED PEOPLE

IN

PHILADELPHIA

ARE

EXCLUDED FROM THE STREET CARS.

PHILADELPHIA:

MERRIHEW & SON, PRINTERS,

No. 243 Arch Street, below Third St.

1866.

The Project Gutenberg eBook of Why Colored People in Philadelphia Are Excluded from the Street Cars.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной в Интернете на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Почему цветных жителей Филадельфии не пускают в трамваи

Автор: Бенджамин П. Хант

Дата выхода: 28 февраля 2020 [eBook #61529]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено hekula03, Мартином Петтитом и командой Online Команда распределенной корректуры на сайте <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе изображений, предоставленных NathiTrust Digital Library.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK WHY COLORED PEOPLE IN PHILADELPHIA ARE EXCLUDED FROM THE STREET CARS ***

Почему цветных жителей Филадельфии не пускают в трамваи

ФИЛАДЕЛЬФИЯ:
MERRIHEW & SON, PRINTERS,
№ 243 Арч-стрит, ниже Третьей улицы.
1866.

ЦВЕТНЫЕ ЛЮДИ И ТРАМВАИ.

Некоторые замечания, недавно переданные в газету "Нью-Йорк антислейвери стандарт", о том, что цветные люди по-прежнему не допускаются в наши уличные вагоны, создают впечатление, что здесь не предпринимается никаких усилий, чтобы добиться для этой категории людей допуска в эти вагоны. Это неверно. В ходе расследования выяснится, что Комитет, состоящий из двадцати пяти или тридцати джентльменов, назначенный на общественном собрании в январе прошлого года для достижения, если возможно, этой цели, все еще существует. Этот комитет, очевидно, работает несколько медленно. Отчет о его работе до сих пор не опубликован, и единственная причина его молчания заключается в том, что не было ничего хорошего, о чем можно было бы сообщить: это недостаточная причина.

Но эти джентльмены не были совсем бездействующими. Похоже, что сразу после своего назначения они обратились к президентам девятнадцати компаний уличных железных дорог и в вежливой форме попросили их исключить из списка правил эксплуатации правило, исключающее цветное население. Некоторые из них согласились на это, более или менее условно, другие - нет; но все, или почти все, в конце концов остановились на уловке, передав вопрос на голосование пассажиров в вагонах. Уловка оправдала свою цель, поскольку уважающая себя часть общества не голосовала.

Вскоре после этого голосования цветной мужчина был выброшен из машины с помощью полицейского. Комитет обратился к покойному мэру Генри и почтительно поинтересовался, было ли это сделано по его приказу. Он ответил следующее: "Не по моему приказу, но с моего ведома и одобрения; поскольку право исключать цветных было заявлено железнодорожными компаниями и не было определено в судебном порядке, полиция помогает поддерживать правила компаний, чтобы предотвратить нарушение мира". И он добавил: "Я не с вами, джентльмены; я не хочу, чтобы дамы моей семьи ехали в вагонах с цветными". Здесь уместно отметить, что на момент проведения этого интервью три последних решения судов страны, касающихся этого вопроса, были прямо противоположны праву на исключение, - последнее из них было принято судьей Эллисоном из нашего Суда четвертных сессий.

Затем Комитет обратился к законодательной власти. В начале сессии 1865 года в Сенат был внесен и принят Сенатом законопроект о недопущении исключения из вагонов по признаку расы или цвета кожи, после чего он был передан в Комитет по пассажирским железным дорогам Палаты представителей. Здесь он был задушен. Никакие уговоры не смогли побудить этот железнодорожный комитет - двенадцать из пятнадцати его членов были республиканцами, а восемь республиканцев из Филадельфии - представить законопроект в Палату в любом виде. Согласно заявлению председателя, мистера Ли, был использован трюк школьника - выкрасть законопроект из его папки, чтобы можно было сказать, что такого законопроекта в руках комитета не было. Это утверждение несколько раз повторял дознавателю мистер Фриборн, один из членов комитета.

Наконец, пришлось обратиться в суд. Были собраны средства, и в течение последних шестнадцати месяцев Комитет пытался подать иски о нападении в семи различных случаях изгнания, и все они были проигнорированы различными большими присяжными, последний из которых состоялся всего несколько дней назад. В одном случае белый человек - весьма уважаемый врач, - который вмешался в дело только путем протеста, чтобы предотвратить изгнание цветного человека, сам был изгнан. Он подал иск о нападении, и его жалоба также была проигнорирована. В пяти из этих случаев были возбуждены гражданские иски о

возмещении ущерба, которые все еще находятся на рассмотрении. Один из них, обжалующий вердикт, вынесенный по обвинению судьи Томпсона в Nisi Prius против изгнанного истца, в настоящее время находится на пути в Верховный суд in banc, где, как мы надеемся, весь вопрос будет окончательно и справедливо решен.

В настоящее время цветное население редко пытается войти в вагоны. Как и положено, они мирно подчиняются тому, что им положено. Последний случай выдворения произошел с молодой женщиной, настолько светлого цвета, что ее приняли за белую, и кондуктор пригласил ее в вагон компании Union Line. Когда он узнал, что она цветная, он вышвырнул ее, применив насилие и нанеся ей некоторые телесные повреждения.

Так обстоят дела с этим вопросом в настоящее время, и таковы были действия официальных органов в этом вопросе. Теперь давайте посмотрим, каковы были действия неофициальной общественности, и какой дух эта общественность проявила по отношению к ней косвенно, своими действиями по родственным вопросам. Претензия цветного населения на получение автомобилей, хотя и является местным вопросом, неотделима от великой политики равенства перед законом, которая сейчас предлагается для национального принятия; и любой местный факт, который влияет на одно, также относится к другому, и поэтому имеет отношение к этой теме.

Во-первых, выяснилось, что даже цветные женщины, когда их вышвыривают из вагонов с оскорблениями и насилием, редко встречают сочувствие со стороны случайных белых пассажиров любого пола, которые присутствуют в вагоне, в то время как проводник часто находит среди них активных партизан. Но ни один белый пассажир не дал добровольных показаний ни по одному делу; и за неимением этого, как правило, единственного возможного доказательства, несколько дел было прекращено.

События начала прошлого года, такие как голосование в вагонах, петиция мужчин, работающих на Военно-морской верфи, за дальнейшее исключение цветного населения на линии Второй и Третьей улиц, "набивка" нескольких сотен женщин, занятых в правительстве на пошиве армейской одежды, чтобы сорвать эксперимент по допуску на Пятую и Шестую улицы, и другие акты насилия, ясно показывают, что классы, которые представляют эти мужчины и женщины, выступают против допуска.

Из семи наших ежедневных газет две - "*Пресс*" и "*Бюллетень*" - многократно выступали в защиту прав цветного населения и осуждали эти бесчинства. Остальные, как полагают, признавая сообщения обеих сторон, хранят редакционное молчание по этому вопросу. Однако в своих местных статьях они, как правило, давали версию этих беспорядков, неблагоприятную для изгнанных цветных, под заголовком "буйное поведение негров" или другим подобным заголовком.

Большие присяжные, судя по тому, как собраны их члены, могут справедливо представлять средние общественные настроения по этому вопросу, и их единообразные действия были показаны. Цветные дети никогда не принимались в наши общие государственные школы, и Ассоциация друзей вольноотпущенников в этом городе, которая недавно приняла в качестве одного из своих основных правил прием детей обоих цветов без разбора в свои школы на Юге, считает, что любые попытки ввести такое же правило здесь будут напрасными.

Только три члена - генералы Оуэн, Тиндейл и Коллис из шестнадцати членов Военного комитета по организации празднования Четвертого июля в этом городе высказались за приглашение цветных войск принять в нем участие; а офицеры "Калифорнийского" полка (71-й П. В.) предупредили, что если такие войска примут участие в параде, их полк должен отказаться от участия в нем и отправит свои знамена в Харрисбург экспрессом.

На 30 июня прошлого года в шестнадцати графствах штата было двадцать девять школьных домов, три из которых находились в этом городе, в которых проживало 1837 сирот белых солдат; по оценкам суперинтенданта, к 1 декабря следующего года их число должно достичь 3000. Но после тщательного расследования выяснилось, что ни один ребенок-сирота из 1488 цветных солдат, погибших на службе, из 8681, принадлежащих, согласно официальным записям, Пенсильвании и зачисленных в лагерь Вм. Пенна, , не попал ни в одну из этих школ и не был обеспечен каким-либо образом из вышеуказанного фонда. Вы изучаете закон и не находите там ничего, что исключало бы их из этих привилегий; вы просите объяснений у школьных матрон и получаете ответ, что они никогда раньше не слышали, чтобы об этом говорилось; а читая два ежегодных отчета суперинтенданта, мистера Томаса Х. Барроуза, вы не находите ни слова, подразумевающего знание о том, что в штате был зачислен хоть один цветной солдат. Так вот, 6 июля 1863 года в Национальном зале почтенный Вм. Д. Келли, член недавно созданного Наблюдательного комитета по набору цветных полков, в присутствии своих коллег и большого скопления людей, белых и цветных, спросил, обращаясь к своим цветным слушателям: "Неужели вы не возьметесь за оружие и не отправитесь навстречу высшей судьбе, которая ожидает вашу расу?" Затем, обращаясь к своим коллегам и их белым друзьям, он спросил: "Не позаботитесь ли вы о том, чтобы их сиротам были обеспечены такие возможности для образования, которые великое и гуманное содружество должно предоставлять сиротам патриотов?" Оба эти призыва были встречены громкими криками согласия. И цветные люди действительно "взялись за руки" и пошли - не совсем "к высшей судьбе, которая ожидает их расу", потому что это, кажется, довольно долгий марш. Однако они сдержали свое обещание, и страна это признает. Но, люди из покойного Наблюдательного комитета и тысячи людей, которых вы представляли, как вы сдержали свое обещание?

И снова: на углу Шестнадцатой и Филберт стрит в этом городе находится самый комфортабельный дом для солдат-инвалидов. Штат до сих пор выделял на его содержание 5000 долларов в год и арендную плату за здание; остаток фонда, 115 000 долларов, - это в основном доходы от ярмарки, проведенной в октябре прошлого года в Музыкальной академии в пользу солдат-инвалидов без различия цвета кожи. Цветные солдаты-инвалиды, конечно, принимаются в это учреждение, как и белые, и оба получают одинаковое питание. Но 160 белых заключенных едят, спят, развлекаются и посещают четыре школы разных классов под руководством наемных учителей, в хорошо отремонтированных и освещенных комнатах, распределенных по высокому главному зданию, причем для них все разделено. Семь цветных солдат-инвалидов (зачисленных в лагерь Уильяма Пенна) живут в каркасном пристройке к этому учреждению, построенной на тротуаре заднего двора, где их привилегии в основном и ограничиваются; здесь они получают бесплатные уроки от своей доброжелательной учительницы-добровольца, мисс Биддл. В этом доме еще есть место для ста белых солдат, но в настоящее время в нем нет мест для цветных. Один проситель, ранее служивший в 1-м американском полку, раненный в руку, недавно попросил предоставить ему жилье на день или два, пока он не найдет работу, и ему ответили, что отделение для цветных переполнено. Другому цветному солдату, полк которого неизвестен, но который потерял руку на службе, недавно было

отказано по той же причине. На вопрос, так ли уж необходимо проводить вышеупомянутое различие, можно ответить: "Да, потому что иначе белые солдаты подняли бы шум". Но, согласно всем полученным свидетельствам, белые солдаты наиболее охотно предоставляли опасный пост во время последней войны неграм; а о том, что последние так же охотно принимали и храбро держали этот пост, свидетельствуют многие поля сражений - Форт-Вагнер, Порт-Гудзон и Петербург среди прочих. И, казалось бы, этот факт можно использовать как неоспоримую причину для установления равенства привилегий в помещениях, где эти солдаты встречаются в мирное время. Если бы эти помещения были бесплатными для всех, то те, кому не нравятся условия, могли бы свободно покинуть их. Однако выяснилось, что это предложение не может быть принято во внимание ни на минуту.

Теперь давайте рассмотрим этот вопрос в его политическом аспекте. Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что несколько членов Комитета по пассажирским железным дорогам Палаты представителей, те самые джентльмены, которые, выступая в роли законодательных абордажников, не позволили законопроекту против исключения увидеть свет, были возвращены в Законодательное собрание на последних осенних выборах при полном партийном голосовании, хотя об этой сделке стало известно из газет. Это ясно показывает, что своим курсом в отношении прав цветного населения они не утратили доверия наших так называемых радикалов. Один из этих джентльменов, тот самый, который повторил утверждение, что "в руках Комитета не было такого законопроекта", считается одним из самых уважаемых и полезных членов делегации Филадельфии. Он особенно любим Лигой Союза, членом которой он стал после того, как оказал услуги в вышеупомянутом комитете, и недавно в одном из ее залов ему был сделан комплимент, с соответствующими церемониями, в знак его законодательных заслуг. Этот инцидент упомянут только потому, что он служит для того, чтобы показать, какого духа придерживается Лига в отношении этого вопроса о приеме; и мы вынуждены полагать, что этот дух в значительной степени состоит из безразличия, оттененного презрением, и, следовательно, инертной оппозиции. И если что-то и должно было подтвердить это впечатление, то это можно найти в том факте, что Лига отказывается разрешить использовать редкие полномочия своего Комитета по публикациям для распространения по штату документов, которые однозначно выступают за избирательное право негров.

Далее, следует вспомнить, как прошлой осенью все классы республиканцев, от самых консервативных до, за редким исключением, самых радикальных, объединились в выражении искреннего сожаления по поводу того, что покойный мэр Генри положительно отказался вновь стать их кандидатом. По общему мнению тех, кто все это время интересовался этим вопросом, при содействии мэра наши цветные могли бы получить полный допуск к автомобилям более восемнадцати месяцев назад, так же как подобный допуск был получен для цветных жителей Нью-Йорка благодаря энергичному курсу, проведенному в их пользу комиссаром полиции Эктоном. В то время в обществе все еще царил какое-то надуманное чувство в пользу цветного населения; аболиционизм, вызванный войной, еще не угас; мир еще не наступил, и нам могло понадобиться больше таких людей, чтобы сражаться за нас; эти факты оказали свое влияние на общественное мнение и отразились на совете президентов; компания Пятой и Шестой улиц в течение месяца пыталась провести эксперимент с допуском; вся их линия начала колебаться, как вдруг на их сторону встал мэр со своим мощным официальным влиянием и помощью, и перевесил чашу весов в их пользу. В битве с неграми, захватившими машину, он был их игольным пистолетом. И все же, зная все эти факты, никто не сомневается, что республиканцы в октябре прошлого года с радостью переизбрали бы мистера Генри своим мэром, причем с

большим перевесом, чем он когда-либо получал раньше. И надо признать, что покойный мэр - очень уважаемый человек. По почти всеобщему признанию, он был столь же храбр и неподкупен на посту, сколь чист в нравах и благочестив в частной жизни. Возможно, то тут, то там найдется экстремист, который возразит, что открытое выдвижение, как он это сделал, своих собственных предрассудков и предрассудков своей семьи вместо закона, справедливости и гуманности в качестве правила служебного поведения, к явному ущербу для двадцати семи тысяч невинных людей, было самым бесстыдным злоупотреблением властью и извращением авторитета. Но это возражение, связанное со словом "бесстыдный", не может быть принято иначе, как "с разницей". Маленького ребенка, катающегося по ковру и свободно обнажающего свое маленькое личико, никто не назовет бесстыдным; он просто бессознателен. Таким же был и покойный мэр Генри. Многие великие и добрые люди совершали грубые проступки неосознанно. Павел, когда он "грабил мужчин и женщин", как это было разрешено нашим полицейским в прошлом году, и с не схожими целями, поскольку оба были движимы духом преследования, "истинно думал", что "должен делать" эти вещи; хотя, правда, в то время Павел не притворялся христианином. Однако мы можем быть уверены, что, когда в результате такой перевернутой расстановки моральных сил, как описано выше, только негры попадают в официальные тиски и испытывают резкое давление, ни покойный мэр, ни подавляющее большинство его друзей и сторонников не видят в этом деле ничего предосудительного. И можно раз и навсегда признать, что рассматривать настроения человека в отношении негров как нечто важное, чтобы составить свою оценку его характера; или объявлять своим мотивом во всем, что вы можете сделать для цветного населения, простое желание сделать ему добро, потому что это справедливо, независимо от каких-либо других целей, таких как спасение белых рекрутов, ослабление врага или получение возможных будущих голосов, - значит навлечь на себя презрение, тайное или открытое, сильное или мягкое, девяти десятых людей, с которыми вы встречаетесь.

Когда мистер Чарльз Гиббонс в своем волнующем обращении к Лиге Союза вскоре после убийства мистера Линкольна назвал это убийство и другие преступления Юга "показательными актами рабства" и логично сослался на злодеяния, совершенные в этой связи по отношению к цветному населению города, заключение его обращения было названо "антиклимаксом". "Зарядив аудиторию энергией, - говорилось в обращении, - он опустил до мелкого вопроса о машинах и цветном населении". И хотя все, что касается окончательного положения в этой стране четырех миллионов ее жителей, - вопрос, который уже стал причиной одной войны и может стать причиной другой, - высокоинтеллектуальные и влиятельные люди презрительно называют "мелким", нам предстоит многому научиться и многое выстрадать, прежде чем этот вопрос будет решен.

Нельзя обойти молчанием еще один важный показатель общественного мнения по этому вопросу. На недавней серии больших и возбужденных собраний духовенства и мирян, созванных для выступления против работы уличных машин в воскресенье, ни слова не было сказано противниками, хотя их внимание было привлечено к этому вопросу, против исключения цветного населения из этих машин в будние дни. Как и присяжные, они проигнорировали эту тему. Более того, считается, что только трое из белого духовенства этого города выступили с кафедры или с трибуны с осуждением этого грубого нарушения; и если есть случаи, когда ничего не сказать - значит совершить грех, то это, похоже, один из них. Но справедливые и разумные люди устали слышать, как священнослужителей попрекают тем, что они не делают того, чего, если они хотят оставаться священнослужителями, они не могут сделать. Пастору

легко и безопасно выложить перед своими людьми определенный набор грехов, которые по общему согласию можно назвать грехами: чрезмерное увлечение миром, невнимание к религии и тому подобное. Одна часть слушателей кротко склоняется перед этим обличением, а остальные молчаливо принимают его без споров. Но когда он убедительно призывает их отказаться от какого-то дорогого греха, который они прижимают к груди, потому что не признают его таковым, его отношение к ним сразу же становится таким, каким было отношение святого Павла к ефесским зверям. И ожидать, что пастор будет яростно бороться с каждым живым, энергичным, но не исповеданным, а то и неосознанным грехом своих людей, как только он появится, за 400 долларов в год (средняя зарплата священника, как говорят, в самой богатой секте этого штата), а затем потеряет это небольшое пособие, что, скорее всего, произойдет в результате конфликта, - значит просить больше, чем честный день работы за меньшее, чем честный день, вознаграждение. То тут, то там можно встретить человека, который может позволить себе вступить в эту борьбу. Один, богатый природными дарами, удерживает своих слушателей силой личного магнетизма, вливая в их уши потоки нежелательных истин, которые они слушают, как свадебный гость, потому что "не могут не слышать", а затем, не многие, уходят, как пробудившийся медиум, ни на кого не влияя. Другой, чей голос ни обличение, ни дезертирство не могут заглушить или заставить замолчать, потому что его слова - лишь настоятельные изречения великого сердца, всегда текущего в полном потоке, с доброй волей к человеку, просто как к человеку, всегда находит свою аудиторию, хотя и немногочисленную. Но это исключения, и, хотя смелости им не занимать, основная масса наших священнослужителей должна проповедовать то, что их люди не желают слышать, или перестать зарабатывать на хлеб для своих семей в качестве священнослужителей. И вот истинная причина их молчания или нерешительной речи по таким предложенным темам реформы, которые в свое время нашли лишь небольшое одобрение; и, если говорить о людях и вещах, этой причины достаточно. Их серьезная вина в том, что они держат ее закрытой в той темной, задней камере сердца, куда люди никогда не допускают друг друга и редко самих себя, и вместо нее выдвигают такие фразы, как "светские темы", "политика на кафедре" и (профанация Святого Слова) "Царство мое не от мира сего". Отсюда хронически ложное положение, в котором они находятся по отношению к обществу. Ведь по самой природе своих отношений либо к своему народу, либо к аристократии, либо к собственному ордену, духовенство везде консервативно, а не прогрессивно. Когда Лютер стал реформатором, он перестал быть монахом. Все, чего можно ожидать от них, - это не распахать новую почву, а воздерживаться от поддержания старых злоупотреблений и (что очень важно) тщательно поддерживать порядок на старой, но с готовностью принять новые принципы и усовершенствованные методы, уже огражденной земле. Их истинный тип реформ - это реформы мистера Линкольна. Он никогда не исповедовал, что будет двигаться только по слову народа, но всегда следил за первым уверенным сигналом к продвижению и с радостью подчинялся ему. Но бывают случаи, когда священнослужители призваны прямо атаковать социальное злоупотребление, и когда практический здравый смысл всех классов поддержит их в этом, независимо от того, пользуется ли это злоупотребление всеобщим одобрением или нет; и это в тех случаях, когда этого требует защита их собственного порядка. Именно такое предполагаемое требование было истинной причиной их недавнего громкого и неразумного протеста против движения вагонов в воскресенье. Они ошибочно считали это движение вторжением в их особые владения, которое они обязаны пресечь; в то время как, если бы оно было разрешено, оно, несомненно, принесло бы здесь, как и в других местах, не только пользу бедным, но и увеличило бы посещаемость церквей. И все же, несмотря на эту готовность к общей самообороне, оказывается, что когда преподобного мистера

Оллстона, настоятеля церкви Святого Томаса (цветной епископальной церкви), выгнали из вагона на Ломбард и Саут-стрит, причем так, что только сила его рук удержала его голову от удара о тротуар, некоторые из его собратьев просто предложили позаботиться о том, чтобы все расходы, которые он может понести, если решит преследовать, были ему возмещены. Хочется спросить этих джентльменов, удовлетворились бы они этим, как достаточным действием в данном случае, если бы настоятель церкви Христа, или церкви Святого Луки, или даже такой молодой человек, как настоятель церкви Святой Троицы, подвергся такому возмущению, как это, - такому, которое в любой момент может повториться, и которое, на самом деле, регулярно поддерживается постоянным исключением. Вряд ли можно сомневаться в том, что, если бы речь шла о белом священнослужителе, было бы созвано собрание, заявлен протест, назначена депутация из мирян и священнослужителей для ожидания мистера Дропси, президента компании, или приняты другие решительные меры, чтобы потребовать возмещения ущерба в настоящее время и гарантий от будущих обид. Это должно быть сделано не только по отношению к оскорбленному брату, но и по отношению к ним самим, оскорбленным в нем. Сохранение их влияния в обществе и уважение, с которым они должны относиться к нему, настоятельно требуют такого курса; и единственная возможная причина, по которой он не был применен в случае с преподобным мистером Оллстоном, заключается в том, что, за исключением своего рода церковной фикции, епископальное духовенство Филадельфии не считает его членом своего ордена и не чувствует, что в глазах этого общества их репутация каким-либо образом отождествляется с его; и поэтому в их общих интересах не было необходимости в том, чтобы они его применяли.

Но есть симптом общественного мнения по этому вопросу, который хуже, чем все вышесказанное. Комитет, назначенный специально для обеспечения прав цветного населения, не оправдал возложенных на него надежд, когда был подвергнут испытанию партийной политикой. На заседании этого комитета, состоявшемся незадолго до последних муниципальных выборов, была предложена резолюция, суть которой заключалась в том, чтобы потребовать от нынешнего мэра, когда он станет кандидатом, письменного заявления о том, какой курс он намерен проводить в отношении этого вопроса, если будет избран. Но комитет отверг саму мысль о том, что можно поставить под угрозу успех кандидата от республиканцев, приняв решение по такому вопросу. Резолюция была отклонена большинством более чем десять к одному голосов присутствующих членов. Это решение заслуживает сожаления не только из-за его непосредственного влияния на текущую работу - ведь о нем, конечно же, было доложено Совету президентов, который, естественно, пришел к выводу, что Комитет не был настроен серьезно, - но и потому, что оно подтвердило факт слабости той части общества, в которой в последнее время мы больше всего искали силы; а именно той части, которая состоит из наших способных и ведущих частных бизнесменов. Если в отношении священнослужителей верно то, что они не могут быть нашими лидерами в реформах, то это не менее верно в отношении политиков, даже самого лучшего класса, на посту или вне его, и профессиональных филантропов, и руководителей различных организаций доброжелательных мужчин и женщин, постоянно организованных для определенных целей, связанных с общественным благом. Все они либо осознанно, либо неосознанно будут подвержены влиянию частных интересов, партийных связей или особых целей, связанных с этими ассоциациями, планы которых они будут стремиться формировать с учетом своих собственных целей. Но есть и еще одна общая для всех них дисквалификация. Они не независимы. Им есть с кем советоваться, кроме самих себя. Они не действуют непосредственно исходя из своих собственных убеждений, а постоянно

пытаются выяснить среднее убеждение общества или своих избирателей, чтобы действовать исходя из него; а поскольку каждый из их избирателей в определенной степени независим и, следовательно, дает честную игру своим убеждениям, они очень склонны недооценивать это среднее значение и не соответствовать ему в действиях: Или, по меткому выражению Уэнделла Филлипса, "представители робки, директора смелы". Успешные частные бизнесмены свободны от этих пут и соблазнов; только они, как класс, могут позволить себе пренебречь ими, и поэтому они, как никто другой, подходят для того, чтобы возглавить или стать главными пропагандистами новых движений на благо общества. Лучшие представители этого класса искренни, либеральны, умны, кратки в дискуссиях, практичны и непосредственны в действиях, не обращают внимания на официальные почести и связанные с ними выгоды, и, прежде всего, они знают, как овладеть и использовать богатство, не будучи в свою очередь овладевшими им. Опасность таких людей не в неосторожности; трудность в том, чтобы найти достаточно благоразумных; а если с ними работают люди, искренние до горечи и не имеющие ничего, что они боялись бы потерять или надеялись бы приобрести, - даже репутации, - так что цели будут достигнуты, истина высказана и справедливость удовлетворена, это будет тем лучше. Не менее ценным последствием последней войны стало открытие того, что страна обладает огромным богатством в виде таких людей. Несколько таких людей, несмотря на скрытое презрение и бездейственное сопротивление президента, кабинета министров, конгрессменов, генералов и армейских хирургов, создали санитарную комиссию, чья великая и деловая работа патриотической благотворительности и милосердия стала предметом восхищения цивилизованного мира. Сначала они разъяснили народу необходимость и осуществимость своего плана, а затем, прикрывая его, заставили не желающее этого правительство признать и принять Комиссию как силу, способную творить добро. Аналогичной по характеру и результатам была Христианская комиссия, президент которой является самым ярким примером, который война дала в поддержку этой позиции; такими же, но более ограниченными в своей деятельности, потому что менее популярными, были Ассоциации свободных людей; и такой, в ее первоначальном замысле и работе во время войны, была Лига Союза.

Люди, возглавлявшие эти движения, не шли к политикам и не спрашивали, насколько целесообразны их планы, учитывая партийные интересы. Но желание творить добро было их мотивом, а их собственная энергия - их силой, и успех вскоре привел к ним политиков. И если частные лица или ассоциации частных лиц захотят, то так будет всегда. Для этого им нужно только принять и действовать в соответствии с этими предложениями: Что эта страна, с таким народом в ней, как во время последней войны, никогда не может быть разрушена, несмотря на то, что политики утверждают обратное; что ее ближайшее приближение к гибели произойдет от временных действий; что партийное управление никогда не спасало страну и не продвигало справедливое дело; что страна спасается и справедливое дело продвигается только путем осуществления справедливости и культивирования правильного общественного мнения; что власть на любой другой основе лучше потерять, чем сохранить, даже если партия, которая получает, хуже, чем партия, которая ее теряет; что когда законные средства не помогают или не были использованы для формирования этой основы партией, находящейся у власти, тогда проступки злых людей, находящихся у власти, являются единственным ресурсом, остающимся стране для создания общественного мнения против их собственной злой политики и в пользу справедливости, что они и сделают, вызвав реакцию; что это и есть главная польза и необходимость второй партии в государстве, и что эти предложения хороши во все времена и в любой кризис, не исключая нынешний. Заняв твердую позицию на этой почве и отказавшись

поддерживать кандидатов с недостаточными способностями, плохим личным характером или сомнительной твердостью принципов, частные лица могут стать силой в государстве, вместо того чтобы оставаться простыми машинами для голосования, которыми они являются в настоящее время в руках хитрых, недальновидных и эгоистичных политиков. Главная политическая ценность таких частных лиц в их ассоциированном качестве и особое преимущество, которым они обладают перед всеми другими органами, созданными для консультаций с целью достижения общественного блага, заключается в том, что они могут свободно обсуждать и отстаивать справедливые меры, с простой прямоотой и без побочных вопросов, а также в их способности просвещать, продвигать и укреплять общественное мнение в отношении этих мер. Когда они делают это, они предоставляют представительным органам то, в чем они больше всего нуждаются, - твердую и хорошо расчищенную почву, на которой можно стоять и работать. Но они никогда не смогут сделать этого, будучи простыми придатками центральных комитетов штатов, или если, будучи свободными от представительских обязанностей конгрессменов, они будут более робкими, чем Конгресс, и будут говорить только в эхо Конгресса и долго после него. И независимо от того, действуют ли они как политические или социальные реформаторы, не должно быть недоверия к справедливости, которая всегда является надежным проводником, и не должно быть отбрасывания ее в сторону ради партийных уловок, как это, к сожалению, произошло с вышеупомянутым Комитетом Кар; и цветное население, увидев, что избранные ими поборники таким образом откладывают справедливость в их случае до партийной целесообразности, вполне может спросить, где им искать реальную поддержку в этом требовании своих простых прав.

Помимо действий официальных и конвенциональных органов, было показано, что значительная часть трудящихся классов выступает против безоговорочного использования автомобилей цветным населением; и из вышеизложенных фактов следует, что лишь небольшое число представителей любого класса искренне и активно выступают за это. Между этими крайностями находится большая часть респектабельной, интеллигентной и влиятельной части общества, члены которой, как правило, сдержанны и не склонны к насилию в словах или поступках, и которые, на первый взгляд, можно было бы предположить, что они безразличны к этому вопросу, или, возможно, с трудом поддерживают идею допуска. Однако небольшое трение выводит на поверхность неопровержимые доказательства того, что и это тело пронизано скрытыми предрассудками, достаточными для того, чтобы нести их, возможно, незаметно и только мертвым грузом, но все же нести их против цветного населения. Многие принадлежат к этому классу, которые обидятся, если им об этом сказать. Нетрудно найти старых потомственных аболиционистов - ортодоксальных и других Друзей, а также членов недавно созданного Наблюдательного комитета по набору цветных полков, - которые холодно отвергают все предложения о сотрудничестве в этой работе. Отмена рабства на Юге - это, конечно, хорошо, но здесь речь идет о личном контакте. Сами они не против того, чтобы ездить с цветными людьми - конечно, нет. Цветные могут садиться в вагоны, если могут; они не будут этому препятствовать. Но они хотели бы, чтобы за государственный счет были оборудованы ванны для пользования этими друзьями, чтобы они могли быть менее оскорбительными для дам. И от этих дам, несомненно, исходит противодействие - прямое и отчасти скрытое - явное, возможно, только через манеру поведения и тон отца, мужа или брата, но все же наиболее упрямое. Часто любопытно наблюдать, как обсуждение этой темы приводит в движение два противоположных моральных течения в одном и том же религиозном и культурном женском уме: совесть, которая требует принятия цветного населения, и предрассудки, которые надеются, что

они его не получают. Таким образом, моральная природа многих мужчин и женщин, которые в целом дружелюбно относятся к равным правам, в этом вопросе разделилась. Чувство справедливости, не обостренное сочувствием, делает их движения по отношению к этому вопросу подобными движениям человека, парализованного на одну сторону - скорее мешающими, чем помогающими. И именно эта большая, респектабельная и интеллигентная часть общества на самом деле ответственна за эти несправедливости и беспорядки.

Джон Свифт, жесткий, пронизывающий человек, ныне ушедший на покой, но в 1838 году мэр этого города, сказал комитету Друзей, обратившемуся к нему 17 мая того года за защитой от людей, угрожавших насилием, что "общественное мнение создает толпы"; и в ту же ночь толпа, созданная таким образом, после короткой и мягкой речи упомянутого мэра, призывавшего к порядку и говорившего, что военные не будут вызваны, сожгла Пенсильвания-холл. И каждая толпа, которую видела страна за последнее столетие, имела подобное происхождение и поддержку, от толпы мальчиков Пакстона против безобидных индейцев в 1763 году, поощряемой до порога убийства, а затем только противостоящей, когда было слишком поздно, преподобному мистеру Элдеру и его коллегам, до толпы нью-йоркских ирландских бунтовщиков против негров и призыва в армию в 1863 году, к которым обратился как к "моим друзьям" гоф Сеймур, представитель великой партии. И, чтобы довести эту тему до сегодняшнего дня, можно добавить недавнюю повстанческую толпу в Новом Орлеане, на которую шипел, совершая массовые убийства, президент Соединенных Штатов по телеграфу. Мозг не более уверенно побуждает или сдерживает руку, чем более образованные и влиятельные классы, как незаметно и те, которые менее образованы, во всех случаях, когда предвидится преднамеренное насилие. И если бы в нашем обществе действительно существовала хоть сколько-нибудь значительная степень этой моральной сдерживающей силы, эти бесчинства в отношении цветного населения давно бы прекратились.

Таким образом, мы вынуждены прийти к выводу, что это общество, как единое целое, в результате долгого потакания порочной привычке обижать и плохо обращаться с цветным населением, стало, подобно нравственному лунатику, совершенно бессильным, посредством своей собственной воли, противостоять или контролировать эту склонность. И пока она не найдет авторитетного и здравомыслящего опекуна и контролера в Верховном суде - если только этот суд сам, по воле случая, не избежал этой широко распространенной моральной имбецильности порочного типа, - похоже, нет ни лекарства от болезни, ни конца ее злодеяниям. И Филадельфия должна продолжать стоять, как она стоит сейчас, одна, среди всех городов старых свободных государств, в осуществлении этой самой позорной системы классового преследования.

Когда Лир восклицает: "Пусть анатомируют Регану, посмотрим, что у нее на сердце", нам дают понять, что его ум не был настолько полностью поглощен своими злодеяниями, чтобы не позволить ему рассуждать, в дикой форме, об их причине: прикосновение природы подсказывает, что любое изложение злодеяний, которое не вникает в причины и условия, сделавшие их возможными, несовершенно. И на постоянно повторяющийся вопрос: Что заставило жителей Филадельфии выделиться из других северных и западных свободных городов в склонности к преследованию негров? истинный ответ, похоже, таков: Филадельфия когда-то владела большим количеством рабов, чем любой другой северный город, за возможным исключением Нью-Йорка; сейчас она содержит большее количество цветных людей в пропорции к белому населению, чем любой другой подобный город, за случайным

исключением Нью-Бедфорда,[1] когда произошла эмансипация, процесс остался незавершенным, и из всех городов, северных или южных, она больше всего боится слияния.

Зло рабства пропорционально его плотности. В Южной Каролине, которая является той частью Соединенных Штатов, где оно было наиболее плотным, эти пороки, особенно в их воздействии на белых, были более явными и очевидными, чем в любом другом штате. Жители Южной Каролины были самыми деспотичными из наших рабовладельцев, и они первыми отделились, чтобы остаться такими же беспрепятственными. Но как ни велико было это зло в наших рабовладельческих штатах, где белых всегда было больше, чем черных, оно бесконечно больше в Вест-Индии, и особенно в Сен-Доминго, где черные в гораздо большей степени превосходили белых. Самым полным доказательством этого является тот факт, что в Соединенных Штатах наблюдался естественный рост численности рабов, в то время как в Вест-Индии все происходило с точностью до наоборот. Раб, высаживаясь в Соединенных Штатах, всегда находил здесь по меньшей мере двух белых на одного черного; ведь до внедрения хлопкового джина, которое произошло только после отмены работорговли, соблазн погнаться за работой на плантации или увеличить число рабов был невелик. Он сразу же вошел в такой многократный контакт с белыми, что, хотя его ничему не учили, он многому научился. Его африканские суеверия вскоре угасли или сильно размылись; их место заняли лагерные собрания; его игры и танцы стали похожи на игры и танцы белых людей, а его спонтанные песни, в отличие от песен негров из Сен-Доминго, которые в основном посвящены еде, сатире и издоимству, рано стали эмоциональными и религиозными.[2] Первый настой христианства, который получили вест-индские рабы, был передан им рабами из Соединенных Штатов. Когда доктор Кок высадился на острове Сент-Эстатия в 1788 году, он обнаружил, как говорится в его журнале, что "Господь воскресил в последнее время негра-раба по имени Гарри, привезенного сюда с континента, чтобы подготовить наш путь". Баптисты, ныне великая секта Ямайки, обязаны своим происхождением Джорджу Лайслу, рабу-проповеднику, которого его хозяин-торри увез из Джорджии при эвакуации Саванны англичанами в 1782 году.

Но груз рабов, выгруженный во французском Сен-Доминго, к последним дням существования колонии обнаружил там почти двадцать своих рабов на одного представителя белой расы. Их сразу же переправили к первым. Поскольку их непосредственными надсмотрщиками были в основном креолы-негры, многие из них редко, разве что на расстоянии, видели белых людей, которых едва хватало для ведения дел колонии. Не хватало и врачей. Плантаторы зависели от импорта, а не от личной заботы, чтобы поддерживать поголовье рабов. Это поголовье часто менялось из-за того, что его обрабатывали. Невольничьи корабли постоянно пополнялись диким элементом. Новые рабы всегда находили в Сен-Доминго обычаи и суеверия, которые они оставили в Африке. Они добавляли к ним свежесть, а затем все вместе, насколько это было возможно, продолжали жить по-старому, по-африкански. На самом деле, если бы это было возможно, могло показаться, что часть французского Сен-Доминго была покрыта африканским дерном, несущим в себе свою родную жизнь и рост, мало нарушенные переносом. Поэтому *водексизм*, или змеепоклонство, продолжалось в полную силу, несмотря на закон и полицию, и, в некоторой степени, каннибализм, вплоть до того самого момента, когда колония внезапно разлетелась на куски от перерождения собственного зла, - белые, которые работали в ней, были таким образом уничтожены или рассеяны по дальним странам со всеми их средствами и приспособлениями цивилизации. А поскольку негры, оставшиеся на острове, закрыли дверь против возвращения белых, опасаясь возвращения рабства, и все еще держат ее закрытой, в силу все еще сохраняющейся смутной ревности, тем самым препятствуя иностранным

улучшениям, неудивительно, что суеверные и варварские обычаи Сан-Доминго в наши дни в немалой степени преобладают в Хайти. Города на побережье, где проживает несколько белых купцов и образованных мулатов, можно считать ростками цивилизации, а дикарские черты, неотъемлемые от дремучего рабства, в значительной степени смягчились среди деревенского населения. Но мы с таким же основанием можем ожидать, что в окрестностях португальских торговых поселений на западном побережье Африки, как и во внутренних районах Хаити, мы обнаружим развитое состояние цивилизации. Из-за отсутствия надлежащего знания этих фактов нецивилизованность Хаити всегда была шипом в боку аболиционистов, и по этой же причине Север в целом, в первой половине поздней войны, постоянно искал второе издание "Ужасов Сан-Доминго" на Юге. Но у вольноотпущенников Юга не больше общего с восставшими рабами 1791 года в Сен-Доминго, чем у любого другого очеловеченного народа с дикарями. Справедливости ради следует признать, что такое превосходство морального и физического состояния наших южных негров над рабами из Сен-Доминго в какой-то степени объясняется расовыми различиями в хозяевах. Потомки французских протестантов, английских уэслианцев и баптистов, австрийских зальцбургцев и даже те, кто произошел от скрещивания кавалеров и каторжников, несомненно, были менее бесчеловечными рабовладельцами, чем отпрыски буканьеров и *флибустьеров*. И все же главное различие проистекало из разной степени плотности рабства. У наших южных рабов было больше возможностей учиться, глядя со стороны. А самая ценная черта негра и то, что больше всего поможет его спасению как расы, заключается в том, что всякий раз, когда он оказывается в пределах досягаемости цивилизации, он молча протягивает усики и цепляется за нее.

Для белых самым любопытным эффектом плотного рабства является то, что оно уничтожает или сильно ослабляет способность к моральному видению во всех вопросах, касающихся чернокожих. В этом отношении процесс по делу об убийстве почтенного Артура Ходжа, плантатора и члена Совета Его Величества на острове Тортولا и повешенного там в 1811 году, представляет собой психологическое исследование. На протяжении 1805 и 1808 годов этот джентльмен, используя порку на "коротких дистанциях", заливая кипятком в горло, сжигая раскаленными утюгами и окуная в котлы с обжигающей водой, убил восемь своих рабов и одного свободного человека. Тортولا имеет двенадцать миль в длину и четыре в ширину, и в то время на ней проживало около 6000 человек. Эти убийства были хорошо известны рабам, когда они совершались, и, как показали последующие свидетельства, многим белым. Но Ходж предстал перед судом только в 1811 году, а затем официальная жалоба на него дошла до его братьев-мировых судей лишь в результате семейной ссоры из-за имущества. Джон М'Донаф отказался быть присяжным, потому что "это дело сделает негров нахальными". Стивен М'Кео, плантатор и важный свидетель, который видел несколько случаев порки, закончившихся смертью, описал мистера Ходжа как "хорошего человека, но комичного, потому что у него были плохие рабы". И генеральный прокурор, и председательствующий судья, очевидно, функционеры из Англии, сочли необходимым привести множество аргументов, чтобы показать, что убийство рабов-негров на самом деле является убийством, и присяжные, согласно этому обвинению, признали Ходжа виновным, но рекомендовали его помиловать. Здесь имела место моральная слепота, порожденная атмосферой рабства, физический аналог которой можно найти только в безглазых рыбах, выросших в темных водах кентуккийской пещеры. Вероятно, в наших южных штатах не найти случая, равного этому по чудовищности преступления и соответствующему отсутствию нравственного видения по отношению к нему, хотя случай

миссис Абрахамс из Вирджинии с ее четырьмя убийствами и той готовностью, с которой "все адвокаты Ричмонда" вызвались защищать ее, может приблизиться к этому.

В Пенсильвании рабы никогда не составляли более чем крохи по сравнению со свободным населением, рабство никогда не появлялось в таких темных красках, и его рано объявили перспективно отмененным. И все же эта старая, безошибочная характеристика рабовладельца - дефект нравственного видения, когда речь идет о чернокожем человеке, - и по сей день является отличительной чертой нашего общества. Мы все еще не в состоянии ясно увидеть злобу отказа ему в праве голоса и изгнания его из машин; и тот же дух возмущения и убийства, который сегодня шокирует нас ужасной энергией, с которой он движет прежними рабовладельцами против освобожденных, в данный момент действует в малой, слабой, подлой форме внутри нас самих против нашего собственного цветного населения. Разница лишь в степени, а не в виде. Таким образом, спустя восемьдесят шесть лет после принятия закона о постепенном освобождении рабов Пенсильвании, в старом учреждении, давно считавшемся исчезнувшим, еще достаточно жизни, чтобы нарушать покой общества.

Наши отцы совершили две большие ошибки в этом вопросе. Во-первых, процесс уничтожения должен был быть постепенным, как если бы вместо пули дать бешеной собаке дозу медленного яда, а затем пустить ее в бега; а во-вторых, он был не только постепенным, но и неполным. Цепь раба была разорвана, но не снята; и любая степень гражданской немощи, под которой остается эмансипированный раб, - это еще столько же рабства. Оно не только сдерживает его движения как к прогрессу, так и к самозащите, но и поддерживает дух угнетения в "расе хозяев", как воздух поддерживает пламя. По естественному закону, сколько бы рабов ни оставалось в одной расе, они всегда, пока это длится, будут искушать и сталкиваться с соответствующим количеством рабов-хозяев в другой. Пока закон унижает человека, его сосед будет унижать его. Тот, кто может вспомнить празднование Дня независимости в Филадельфии пять и тридцать лет назад, может вспомнить, что часть дневных упражнений, которые взяли на себя мальчишки, состояла в том, чтобы побить камнями и дубинками цветных людей с площади Независимости, потому что "ниггеры не имеют ничего общего с Четвертым июля". Отцы этих мальчишек смотрели со спокойным удовлетворением, радостно и с надеждой отмечая друг другу, как хорошо их сыновья учатся выполнять обязанности свободных американских граждан. Прошло двадцать лет, и можно было заметить перемены. Цветным людям - место и повод те же - разрешили носить воду среди толпы, не встречая со стороны жаждущих никаких оскорблений, кроме слов добродушного презрения. Это было улучшением. Тех, кого мы раньше изгоняли ударами и проклятиями, мы теперь научились использовать. Прошло еще двенадцать лет, и Четвертого июля мы набирали наших трудоспособных цветных мужчин, чтобы они сражались за нас. Но мы все еще помнили о том, что причитается нам, как представителям высшей расы, и когда они возвращались к нам, раненые при нашей защите, мы тщательно ограничивали их жен и сестер от присутствия на передней площадке вагонов, когда они навещали своих мужей и братьев в госпиталях. И вот сегодня из шестнадцати филадельфийских генералов и полковников, большинство из которых, как полагают, несли службу на поле боя, трое проголосовали за то, чтобы разрешить этим вернувшимся цветным ветеранам принять участие в праздновании нашей великой национальной годовщины. Это прогресс, но медленный, и причины препятствий на его пути следует искать в неполной эмансипации 1780 года.

Но еще одной причиной, которая придает Филадельфии дурную славу в отношении обращения с цветными, является сравнительно большое их количество, которым она обладает по

сравнению с другими северными городами, за одним исключением, о котором говорилось выше; и эта причина, похоже, просто связана с другой и является ее частью - страхом слияния. Этот страх сильно беспокоит большую часть белого населения. При обсуждении автомобильного вопроса противник приема сразу же заявляет, что это будет ступенькой к слиянию. Предложение о том, что семерым цветным солдатам-инвалидам могут быть предоставлены равные привилегии в военном госпитале со 160 белыми солдатами, отбрасывается с замечанием, что такое правило будет способствовать слиянию. Матрона, с опущенными глазами и робким ужасом, высказывает это возражение против приема в тот же сиротский дом маленьких белых и цветных детей, в основном в возрасте от четырех до десяти лет. Все это звучит очень нелогично. До сих пор на Севере не происходило слияния двух рас, и поскольку цветные никогда не делали авансов белым, это малое количество не может быть увеличено, пока белые не сделают авансов им. Когда это должно начаться? Пусть каждый ответит на этот вопрос индивидуально. Этот вопрос, в его негативном аспекте, полностью находится под контролем белого населения.

Широкое различие между политическим и социальным равенством, на которое так часто указывают, до сих пор упорно путается многими нашими людьми, и, возможно, необходимо еще раз его обозначить. Политического равенства каждый имеет право требовать в настоящее время или в перспективе, а социального - никто; ибо барьер, разделяющий эти два понятия, состоит из частных дверей. Каждый из них находится в полном распоряжении его владельца, и ни один человек не имеет права предписывать, даже косвенно, кому он должен разрешать или запрещать проходить через него. Это не открытый вопрос.

Но предположим, что отношения, которые так долго поддерживались на Севере между двумя расами и на которые негры не жалуются, когда не сопровождаются обидами, вдруг прекратились бы; и повсюду, на Севере и Юге, с обеих сторон, побуждаемые неудержимым оргазмом, они должны броситься друг на друга. В Соединенных Штатах 26 000 000 белых и 4 000 000 цветных; и после того, как каждый черный найдет себе белого, останется 22 000 000 белых, еще не вступивших в брак. Они, в силу необходимости, продолжат чистое белое население, и их можно будет смело оставить без помощи, чтобы они сами поддерживали себя в расовой борьбе против 8 000 000 амальгамационистов. Но здесь утверждается, что они получают помощь из другого источника. Согласно теории докторов Нотта и Картрайта, смешанная раса быстро деградирует и через три поколения вымирает. Эта теория принимается теми, кто боится слияния, и часто цитируется ими в качестве аргумента против теории равных прав. Они также ненавидят негров и были бы рады, если бы их число уменьшилось. Но чистокровные негры, по общему признанию, обладают большой жизнеспособностью расы и уничтожаются с трудом. Эта трудность, как кажется, может быть преодолена путем слияния. В результате этого процесса за одно поколение все негры превращаются в мулатов, и, достигнув этого, вся африканская раса может исчезнуть с лица земли. Сторонники чистоты белой крови наносят ущерб своей собственной цели. Пусть они изменят свою политику и на время поощряют слияние, которому они до сих пор противились, и, если проявить терпение, они смогут получить правительство белого человека.

Это предложение менее экстравагантно, чем эти безумные и злые страхи перед предстоящим слиянием; злые, потому что они служат оправданием для расы, которая полностью контролирует этот вопрос, чтобы плохо обращаться с цветным населением и отказывать ему в правах, которые предоставляются, без споров, всем остальным мужчинам и женщинам в стране.

Но эти люди никогда не придут к такому концу; и если верно, что амальгамация здесь ведет к этому, то здесь, в любой значительной степени, она никогда не произойдет. Они никогда не были сделаны ценным элементом нашего населения, которым они являются, просто для того, чтобы вымереть. Большая часть работы, которая была проделана на значительной части этого континента, была сделана ими, и, очевидно, они всегда будут, как и раньше, абсолютно необходимы для его полного развития.

Это утверждение не означает, что работорговля и рабство были правильными или необходимыми. Грех заключался не в том, что африканцев привезли в Америку, а в том, как их привезли. Бог установил Свои неизменные законы, регулирующие передвижение народов, но Он позволяет людям исполнять их по своему желанию. Если бы люди захотели быть справедливыми и гуманными, они могли бы побудить африканцев приехать на этот континент в качестве свободных эмигрантов; но они были эгоистичны и злы, и поэтому заставили их приехать в качестве рабов. Рабство уничтожало и уничтожает себя повсюду; и в этой стране великая система свободного труда и равных прав, которая преобладает, без оговорок, в некоторых северных штатах, теперь предлагается и, несмотря на все противодействие, скоро будет применяться в каждом штате, на севере и на юге. Маловероятно, что на этом все и остановится. Считается, что та же система со временем будет распространена и на наши тропики. Так называемая англосаксонская раса в Англии колонизирует; в Соединенных Штатах она расширяется. Мистер Дизраэли недавно назвал Англию скорее азиатской, чем европейской державой; и может наступить день, когда мы станем такой же державой Южной Америки, как сейчас - Северной. У нас есть средство для облегчения будущего расширения в тропики в элементе нашего домашнего населения, приспособленного к ним, которым Англия никогда не обладала; и после того, как он будет принят в наше политическое тело и таким образом получит возможность развивать свои силы, нелегко сопротивляться заключению, что его судьба - нести нашу цивилизацию в эти широты. Слабые и несовершенные национальности, лежащие к югу от нас, по-видимому, являются лишь временными. Они ждут лучшей системы, чем их собственная, и более высоких сил, чем те, которыми они обладают, чтобы применить ее. Вероятно, придет время, когда их способность поставлять продукты, свойственные их земле, не будет удовлетворять потребности цивилизованного мира; и если это произойдет, это побудит нас перенести туда наше предприятие, а вместе с ним наши законы и институты. Именно таким образом белых заманивали в Калифорнию - золото было приманкой; но в более южные места цветные люди, в силу своей особой климатической пригодности, должны помогать им; и обе расы должны отправиться в тропики, если вообще отправятся, вместе. Африканец никогда не покинет эту страну, но он может, законно преследуя свои интересы и счастье, помочь ее расширению за ее нынешние пределы; и, рано или поздно, если практическое утверждение нашей "доктрины Монро" сделает необходимым для нас перенос нашего оружия в тропические широты, последняя война показала нам, где можно найти солдат. Это лишь предположения, но будет трудно доказать, что они не имеют под собой некоторой основы в виде вероятной реальности в будущем. А пока можно быть уверенным, что эти люди здесь во благо, а не во зло обеим расам, и что интересы, равно как и справедливость, требуют, чтобы все права и

привилегии, которыми мы обладаем, были свободно и сразу же распространены на них. Давайте доверимся Богу, чтобы Он вершил Свою собственную справедливость, не опасаясь, что это принесет вред, если мы не вмешаемся со своей несправедливостью; и давайте больше не верить, что если мы сделаем то, что правильно и гуманно как народ сегодня, мы будем наказаны за это завтра; ибо это практический атеизм.

ССЫЛКИ:

[1] Согласно переписи 1860 года, соотношение цветного и белого населения в городах, названных ниже, было следующим:

Бостон,	1 цветной к	77-2/3 белых.
Нью-Йорк,	1 " "	63½ "
Филадельфия,	1 " "	24½ "

В Нью-Бедфорде при той же переписи населения соотношение составило 1 цветной к 13½ белых. Сравнительно большое количество цветного населения в этом городе объясняется особой добротой, с которой там принимали беглых рабов, и тем фактом, что он предоставлял им несколько безопасное место для убежища, поскольку находился в стороне от основной линии движения.

[2] Наш южный негритянский английский, как бы грубо он ни звучал, чист по сравнению с британским; а во Французской Вест-Индии и Хайти расхождение между креольским *патуа* и французским еще больше. Негры наложили глубокий отпечаток на использование своего диалекта белыми, и по сей день он является разговорным языком всех классов, как образованных, так и нет, на этих островах. Такое же превосходство негров прослеживается и в их развлечениях. *Бамбула* и *календа* с французских островов и Хайти, а также некоторые похожие танцы на Кубе, несколько измененные и сдержанные, по-прежнему любимы белыми людьми. Все они имеют африканское происхождение, а их тип - разврат. На Британских островах эти танцы в значительной степени уступили место учениям баптистских, методистских и моравских миссионеров.